

II. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

5

Сравнительные основы биологической, социальной и языковой эволюции

Борис Михайлович Кондорский
Независимый исследователь

Основные формы движения материи (ФДМ) – физическая, химическая, геологическая, биологическая, социальная – имеют общие закономерности. При этом такие фундаментальные категории социальной ФДМ, как «сознание» и «язык», должны быть присущи и некоторым другим формам, например биологической. Сознание в общепhilософском понимании есть неотъемлемое свойство организованной материи. Каждая ФДМ в процессе своего развития проходила определенные стадии. Переход между этими этапами всегда носил революционный характер. Действовали одни и те же основные закономерности, как и в рамках социальной ФДМ. При этом один тип сознания сменялся другим. Общность основных принципов и категорий, лежащих в основе ФДМ, дает основание для параллельного анализа и теоретической разработки проблем, связанных с ними. В статье сделана попытка сопоставить между собой социальную и биологическую ФДМ в процессах развития, осмыслить проблемы теории языка с точки зрения закономерностей эволюционного развития биологических организмов и наоборот.

Постулируется наличие в биологической ФДМ эволюционного и экологического пространств. Основой первого является формирование и развитие архетипов на уровне типа, класса, отряда. В рамках экологического пространства имеет место процесс видообразования на уровне семейств и родов. Адаптивная радиация происходит под контролем биоты, элементами которой являются образование и вымирание данных таксонов. Показана возможность использования для характеристики основных этапов развития сообществ и процесса биологической эволюции такой категории, как «цивилизация». Переход от одной эры к другой происходил «революционным» путем.

В процессе социального развития можно выделить следующие основные революции и соответствующие им этапы: неолитические, архаические, феодальные, революции Нового времени. Архаические революции име-

ли место не только в Греции и Италии, но и на Ближнем Востоке, в Северной Индии, Китае и разделили два периода – раннюю и позднюю древность и соответствующие им типы социумов. Показаны основные различия между социумами ранней и поздней древности. Выдвинута концепция ойкумены как системы, в основе которой лежит освоенное человеком географическое пространство.

В языке биологическому виду соответствует слово, а экологическому сообществу – текст. Соответственно, в обоих случаях для анализа можно использовать взаимные закономерности и терминологию. Выявлены и другие параллели между биологической и языковой эволюцией.

Ключевые слова: биологическая эволюция, архетип, видообразование, биота, процесс исторического развития, период древности, ойкумена, вожество, государство, эволюция языка, текст.

Введение

Мы исходим из общности основных закономерностей, лежащих в основе так называемых форм движения материи (ФДМ), – физической, химической, геологической, биологической, социальной. Главная задача эволюциониста – выявление общих законов развития (Витол 2012: 19). Отсюда следует, что такие фундаментальные категории социальной ФДМ, как «сознание» и «язык», должны быть присущи и некоторым другим формам, например биологической. Сознание в общефилософском понимании есть неотъемлемое свойство организованной материи.

Сознание как организующее начало во всех ФДМ в пространстве-времени выступает в форме определенного Мира. Если сознание выступает как основа организации (законы организации), то мир – как форма организации, как реализация данного типа сознания.

Каждая ФДМ в процессе становления проходит определенные стадии своего развития. Переход от одного этапа исторического развития к другому всегда происходил революционным путем. Здесь этот термин используется не в переносном, а в буквальном смысле. Действовали те же основные законы, что и во время классических буржуазных революций. Это относится не только к социальной, но и к другим ФДМ. Революции в первую очередь касались сознания. Один тип сознания сменялся другим. На смену старому архетипу организации ФДМ приходил новый. Формирование нового архетипа в процессе революций следует рассматривать как систему потенциалов, которые либо получают развитие, либо нет, в зависимости от конкретных условий.

Общность основных принципов и категорий, лежащих в основе ФДМ, дает основание для параллельного анализа и теоретической разработки проблем, связанных с ними. В данной статье сделана попытка сопоставить между собой социальную и биологическую ФДМ, осмыслить проблемы теории языка с точки зрения закономерностей эволюционного развития биологических организмов, и наоборот. Тем более что в этом направлении

уже есть публикации (Бирнбаум 1985; Бичакджан 1992; Виноградов 1982; Жакоб 1992).

Сравнение биологической и социальной макроэволюций – крайне важная, но мало разработанная тема (Гринин и др. 2012: 130). При этом человеческая история неразрывно связана с историей Вселенной. Речь идет о концепции мегаэволюции, универсального эволюционизма как последовательного изменения Вселенной с формированием все более сложных форм организации (Гринин и др. 2009; Назаретян 2009). Биологическая природа человека в существенных чертах обусловлена процессами космической эволюции (Казютинский 2014: 20). Можно сказать, что человек есть продукт земной биосферы, своеобразный итог длительной планетарной эволюции (Витол 2012: 15).

Процесс биологической эволюции следует рассматривать только в рамках биосферы как проявления (согласно В. И. Вернадскому) единства, включающего, помимо биоты, атмосферу, гидросферу, литосферу. В основе существования биосферы лежит круговорот энергии, вещества и информации. Основным направлением формирования и последующего развития биосферы была автономизация круговорота (Иорданский 2016), уход от определяющего влияния законов и факторов геологической ФДМ (на стадии формирования биосферы). Во взаимоотношениях ФДМ существует фундаментальный закон, по которому факторы одной ФДМ не могут оказывать определяющего влияния на процессы в рамках другой. В течение всей биологической эволюции шло усовершенствование этого процесса. Длительное существование промежуточного, еще несовершенного биогенного круговорота веществ в конечном итоге могло привести к разрушению биосферы.

Аналогично можно говорить о социосфере как арене социально-исторического развития и семиосфере (Лотман 2000) как сфере функционирования и развития языка (в самом широком смысле этого слова). Обе системы также имеют свой круговорот с тенденцией автономизации в процессе исторического развития.

Эволюционное пространство биологической эволюции

Основу биологической ФДМ составляют два типа пространства – эволюционное (ЭВП) и экологическое (ЭкП). По существу, все ФДМ должны иметь пространство развития и пространство существования. Каждое развитие имеет свое начало и свой конец. Целостность ЭВП имеет место во времени от начала и до конца развития как единой системы во времени и пространстве. Эволюцию следует рассматривать как системно организованный процесс. Соответственно, ЭВП можно уподобить разворачивающемуся свитку. Слово «эволюция» происходит от лат. *evolutio* – «развертывание». При этом можно высказать крамольную мысль, что данный «свиток» с самого начала уже имел «текст». Естественно, что речь идет не о форме, а о содержании. Наличие «текста» означает, что если мы попа-

дем на планету, которая по своим геологическим параметрам близка к Земле, то здесь процесс биологической эволюции будет иметь те же закономерности, те же основные этапы, тот же базовый тип биологического «сознания». На данный момент «свиток» полностью развернут, то есть процессы в рамках ЭВП прекратились.

Следует отметить, что доминирующий взгляд на биологическую эволюцию, когда все сводится к изменению внешней среды, напоминает Тянитолкаю – персонажа из известной сказки К. Чуковского. Даже сторонники СТЭ признают, что ламарковские механизмы макроэволюции гораздо эффективнее дарвиновских (Иорданский 2009: 171). Эволюцию следует рассматривать как свойство видимой материи. Именно эволюционное состояние является первичным для этого вида материи, в отличие от темной. Для темной материи, которая составляет 96–97 % всего материально-содержания мироздания, характерна стабильность (Урсул 2011: 19). Кстати, и в рамках биологической и социальной ФДМ менее 5 % их «субъектов» непосредственно участвовали в процессе собственно макроэволюции.

Важнейшей, ключевой категорией ЭВП является архетип (Кондорский 2017б). Каждый эволюционный таксон имеет свой архетип, отражающий характер, тип его организации. Архетип млекопитающей организации, рептильной организации и т. д. Можно говорить об архетипах уровня типа, класса, отряда. Здесь понятие таксона вышеперечисленных уровней принципиально отличается от такового в рамках ЭкП – семейства, рода, вида. В последнем случае семейство и род следует рассматривать как объединение видов, имеющих общего предка. В ЭВП таксон существует объективно, поскольку основан на объективно существующем архетипе (Захаров 2005; Раутиан 2001).

Обычно понятия «архетип» и «план строения» рассматриваются как синонимы, причем чаще всего в последнем понимании. По нашему мнению, под архетипом следует понимать комплекс тех новшеств, которые лежат в основе сформировавшегося нового эволюционного таксона. У первых млекопитающих это приобретение звукопроводящего аппарата млекопитающего типа, челюстного сочленения между зубной и чешуйчатой костями, мягких губ, верхних обонятельных раковин и т. д. (Татаринов 1972; 1987). При этом следует говорить не о признаках архетипа, а о его элементах. Что касается прижившегося понятия «мерон», то его необходимо использовать в случае плана строения.

В рамках ЭВП нет понятия конкретного предкового вида (или группы видов). По существу, не только для известных классов не найдено реальных ископаемых предковых форм, но и для таксонов уровня отряда (Габуния 1969; Назаров 1991; Симпсон 1948). В ископаемом состоянии сохраняется лишь ничтожная доля живших когда-то существ, и вероятность найти среди них прямого предка кого бы то ни было чрезвычайно мала (Марков, Наймарк 2010), практически равна нулю. Здесь можно говорить

о реконструкте – гипотетической модели (именно модели) предковой формы.

Специфика ЭВП предполагает наличие реконструктов уровня типа (но еще не класса и отряда) или только типа и класса (но еще не отряда). И млекопитающие, и рептилии, и амфибии произошли от гипотетических предковых форм, еще не имевших организации уровня класса (только типа). Отсюда следует, что известная линейка «рыбы – амфибии – рептилии – млекопитающие» должна носить не более чем школьный характер.

Каждый архетип, в отличие от плана строения, имеет свой потенциал дальнейшего развития. После образования базового архетипа в течение десятков миллионов лет происходит его совершенствование. Архетип формируется и развивается независимо от конкретных условий. При этом специфика элементов базового архетипа должна обеспечивать возможность дальнейшего его развития.

Сейчас большинство эволюционистов-палеонтологов придерживается мнения, что базовые элементы архетипа формировались в параллельных пучках (Татаринов 1972; Воробьева 1988). Имели место процессы артроподизации, маммализации, ангиоспермизации и т. д. Однако внимательный анализ показывает, что «-зация» обычно имела место уже после начала формирования базового архетипа. Получается, что все группы, которые традиционно считаются предковыми, в процессе параллельной эволюции «работали вхолостую» (Курочкин 2006). Это касается и териодонтов, и рипидистий, и не только их. Появление параллелизмов нельзя рассматривать как явление филогенетического опережения (Воробьева, Назаров 1988). Реальная картина имеет обратный характер. Также это явление нельзя объяснить сходным давлением отбора (Пучков 2013).

После появления базового архетипа классов проходит длительный период до начала активной адаптивной радиации. То же самое относится и к уровню отряда. Основной тип организации змей сложился еще в начале мелового периода и не менялся в течение 110 млн лет (Иорданский 1994). Динозавры и млекопитающие появились в начале мезозойской эры и сосуществовали 150 млн лет (Красилов 1986). Рептилии появились в карбоне, но претерпели сильную радиацию в триасе (Назаров 1991). Костные рыбы появились в конце триаса, но оставались малочисленными до конца мела (Татаринов 1972).

Многие специалисты-палеонтологи сетуют на трудности с разделением параллелизмов и конвергенции. Концепция двух видов пространств снимает эту проблему. Параллелизмы являются «достоянием» ЭВП, а случаи конвергенции – ЭкП. Конвергентное сходство связано со сходством образа жизни в рамках ЭкП и касается только формы. К тому же конвергенция не связана с формированием новых эволюционных таксонов.

Здесь нужно различать эволюционные параллелизмы и экологические, например, независимое появление безногих ящериц в ряде семейств. Если формирование архетипа змей, связанное с редукцией конечностей, происходило по законам ЭВП, то появление безногих ящериц на уровне

конкретных видов, связанное с приспособлением к конкретным условиям, – с законами ЭкП.

При переходе в ЭкП в процессе адаптивной радиации архетип сохраняет свою стабильность. Из 300 тыс. видов жуков ни один не вышел за пределы жучьей организации (Расницын 1986).

Что касается роли абиотических (климатических) факторов в процессах на уровне ЭВП, некоторые специалисты считают, что рептилии появились в результате приспособления к аридным условиям, начавшемуся в триасе иссушению климата (Северцов 1990), что похолодание к концу мезозоя привело к сходному действию отбора на разные группы позвоночных и появлению теплоизолирующего слоя, постоянной температуры тела, четырехкамерного сердца (Воронцов 2004).

Действительно, в середине триаса зона сухого климата достигла наибольших размеров за весь фанерозой (Будыко 1981), что отрицательно сказалось на амфибиях (Шиманский 1987) и освободило место для радиации рептилий. В свою очередь, развитие амфибий после выхода на сушу происходило в условиях влажного климата (Воробьева 1977). Но не следует забывать, что биологическая эволюция является органической частью процесса развития биосферы, компонентом которой является климат. Получается, что взаимодействие биоты и климата в рамках биосферы имеет свою внутреннюю логику. К тому же нужно учитывать фундаментальный принцип, согласно которому факторы одной ФДМ не могут оказывать определяющего влияния (именно определяющего) на процессы в рамках другой ФДМ.

Экологическое пространство биологической эволюции

ЭкП, так же как и ЭВП, является изначально сферой действия определенных законов. Все, что касается развития и связанных с этим процессом универсальных законов (общих для всех ФДМ), относится к ЭВП. Как уже говорилось выше, ЭкП есть пространство существования. Важным понятием здесь выступает ресурс существования. К экологическому пространству в материальном понимании можно отнести ту часть оболочки Земли, где организмы могут найти ресурс существования (ресурсы питания). Физические факторы здесь играют только лимитирующий характер. И это лишь касательно пойкилотермных животных. Млекопитающие и птицы при наличии кормового ресурса могут существовать в самых экстремальных условиях. Достаточно вспомнить белого медведя и пингвинов в Антарктиде.

Основу ЭкП составляет процесс видообразования. Первичным «толчком», основой видообразования (адаптивной радиации) является появление нового архетипа и его вариантов. Взаимодействие обоих пространств в рамках конкретной особи можно представить в виде базиса (архетипа) и надстройки (адаптивной формы). Своим базисом конкретная особь вхо-

дит в состав определенного отряда, класса и типа, а надстройкой – является членом определенного семейства, рода, вида.

Формой существования вида в ЭкП является популяция. Именно формой существования. Каждый полноценный вид имеет популяционную структуру. Это касается и географических, и экологических, и сезонных популяций. Подобного рода виды имеют достаточный потенциал, чтобы реагировать на изменения внешней среды без образования новых видов.

В основе видообразования лежат отдельные особи, оказавшиеся за пределами популяционной структуры исходного вида. На основе сформировавшегося архетипа появляются формы, имеющие высокий уровень «биологической пассионарности», которые стоят в основе формирования отдельных семейств и родов в процессе адаптивной радиации. Популяция не может быть исходной единицей для появления нового полноценного вида. Разве что речь может идти об экологически специализированных видах второго порядка.

В основе адаптивной радиации галапагосских вьюрков стояли именно «изгои». На островах, расположенных недалеко от материков, ничего подобного не наблюдалось. Дело в том, что имеющиеся здесь популяции различных видов (в том числе птиц) являются органической частью материковой популяционной структуры этих видов (Лэк 1949).

Образованию сотен видов цихлид в Великих озерах Восточной Африки способствовал занос на начальном этапе единичных особей исходных форм. Установлено, что цихлиды озера Танганьика – олигофилетичны, озера Малави – монофилетичны, а озера Виктория – дифилетичны (Лекавичус 2009).

Теория биоты

Биоту часто считают синонимом флоры и фауны. Однако биота в своей основе не просто совокупность видов, а система потенциальных адаптивных зон определенных экологических форм на уровне отдельных видов, родов, семейств. Целостность биоты следует рассматривать в рамках исторического времени.

Получается, что именно биота предоставляет для определенного типа организации, сформировавшейся в процессе развития эволюционных таксонов, адаптивную зону, обеспеченную нужными ресурсами. Именно биота сводит к минимуму возможную конкуренцию между видами. Именно неустойчивость и слабость (обедненность видами) биоты на островах объясняет заметную конкуренцию между видами (Майр 1968). Процесс видообразования находится под исключительным контролем биоты. Элементом биоты являются не виды, роды, семейства сами по себе, а процессы их образования и вымирания, что говорит о динамическом характере биоты как системы.

Биоту можно рассматривать как своеобразный мир (мир-биота), имеющий системный характер (Марков, Коротаев 2008). Исходя из общности основных принципов, лежащих в основе ФДМ, можно говорить о триасо-

вой мир-биоте, юрской, меловой, так же как и о биотах более высокого уровня – палеозойской, мезозойской, кайнозойской – как основных этапах развития биологического мира. В свою очередь, в пространстве могут иметь место различного рода региональные мир-биоты.

Полезным было бы использование понятия «сознание» как своеобразного «генотипа» того или иного типа биоты. То же самое относится к понятию (категории) «биологического языка». При этом под биологическим языком нужно понимать не формы коммуникации особей одного вида, а средства «общения» между самими видами. Совместное существование на одной территории кайнофитных и мезофитных сообществ носит дискретный характер (Самылина 1974). Мезофитные виды являются чужими для кайнофитных и наоборот. Соответственно, можно говорить о мезозойских языках общения видов в сообществах кайнозойских, палеозойских, дофанерозойских (Кондорский 2014б).

Возможно использование понятия «цивилизация» (палеозойская, мезозойская, кайнозойская и т. д.). В. И. Даль рассматривал понятие «цивилизация» как сознание прав и обязанностей человеком как гражданином. Вид-гражданин в биологическом случае выступает как член биоценоза, в рамках которого он может осуществлять свое право на существование, а с другой стороны, выполнять свои «гражданские обязанности» – формировать и поддерживать структуру сообщества, участвовать в обеспечении круговорота веществ и энергии. Так, в рамках мезозойской цивилизации главное – не как выглядели динозавры и какие имели размеры, главное – как они выполняли свои «гражданские обязанности».

Как уже упоминалось выше, можно говорить об основных этапах развития (эволюции) основных ФДМ, переход между которыми носил революционный характер. Это касается и перехода от одной эры развития биологического мира к другой. Основным результатом революций является устранение носителей старого сознания, то есть устранение старой элиты. Под элитой я понимаю лиц, которые отвечают за сохранение и нормальное функционирование данного типа социального пространства.

Соответственно, можно говорить о биотической «элите» (доминантах), отвечающей за формирование и поддержание экологического пространства. То же самое мы наблюдаем при переходе от палеозойской эры к мезозойской (знаменитое пермское вымирание) и от мезозойской эры к кайнозойской. Во время этих переходов вымирали доминанты всех основных сообществ (Красилов 1984). На границе перми и триаса вымирает, в первую очередь, доминантный блок наземного сообщества (Будыко 1981; Сенников 2004). Динозавры были доминирующей группой климатских экосистем мелового периода (Красилов 1985), то есть своеобразной элитой, которую революция «устранила» с «биологической арены». С этой точки зрения бесполезно искать какие-то внешние факторы, тем более небиологического характера.

Особо следует остановиться на роли катастрофических факторов. Особой популярностью пользуется астероидная теория наиболее крупных

вымираний животных и растений. Будучи маргинальной до 1970-х гг., идея решающей роли глобальных катаклизмов в эволюции жизни затем обрела бешеную популярность. Не последнюю роль здесь играет тот факт, что подобного рода подход дает видимость «простого решения» сложных проблем (Пучков 2014).

Революционная концепция исторического развития

В процессе исторического развития можно выделить следующие основные революции (точнее, эпохи революций): неолитические, архаические, феодальные и революции Нового времени. Следует отметить, что революции не имеют характера вынужденного явления. Их следует рассматривать как проявление естественного процесса перехода от одного этапа исторического развития (который уже исчерпал свой потенциал) к другому. В рамках неолитической революции переход к скотоводству и культивированию злаков на первых порах не вызвал заметного улучшения жизни, демографического взрыва. Само по себе присваивающее хозяйство было достаточно продуктивным (Бадер 1989: 253, 263).

Если рассматривать биологическую и социальную эволюцию как единые системы от начала до конца (о чем говорилось выше), то структурно этапу социального развития до архаических революций (в рамках египетской и месопотамской цивилизаций) соответствует палеозойская эра, постархаическому периоду, связанному в первую очередь с античностью в греческих полисах и Римском государстве – мезозойская, Новому времени – кайнозойская.

Обычно архаической революцией называют тот исторический переворот, все те изменения, которые имели место в Древней Греции (Фролов 1988: 92–100). Это развитие торговли, мореплавания, судостроения, что практически полностью отсутствовало в доархаический (гомеровский) период. Следует отметить появление классического рабства с массовым использованием рабов в ремесленном производстве и на рудниках. Появляется частная собственность на землю. В военной сфере на смену общинному ополчению и аристократам на колесницах приходит гопплитская фаланга.

И самое главное – произошли кардинальные изменения в социальном сознании, изменилось мировосприятие людей, которое отразилось как в эпосе, так и в искусстве того времени. Человек теряет свою гармоническую связь с космосом, больше начинает осознавать свое «я». Актуальной становится ответственность человека за свои поступки (Туманс 2002: 62). Следует обратить внимание, что в предшествующий, гомеровский период понимание личности кардинально отличалось от такового в наше время (Ярхо 1963).

Автор полагает, что архаическая революция в этот период имела место не только в Греции и Италии, но и на Ближнем Востоке, в Северной Индии и Китае (Кондорский 2013: 17). В Америке и Тропической Африке

архаические революции отсутствовали вследствие действия фактора изоляции.

Социумы ранней древности

Архаическая революция разделила два периода – раннюю и позднюю древность и соответствующие им социумы – социумы ранней древности (СРД) и социумы поздней древности (СПД). СРД следует рассматривать как финальный отрезок неолитического этапа исторического развития в основном в рамках энеолита и бронзового века.

Основные моменты, характеризующие СРД, можно рассмотреть на примере Древнего Египта. Отсутствие в СРД личности как источника воли способствовало формированию системы, в рамках которой источником воли являются божества. Душевная жизнь человека представлялась действительностью плотского нутра (Перепелкин 2000: 166). Сознание того периода воспринимало богов как первичных источников воли.

В самом Египте конкретным источником «политической», управленческой воли считался фараон, выступавший здесь в качестве медиатора божественной воли (Немировский 2009: 49). От бога Ра Сила богом-соколом Хором переносилась непосредственно фараону, через которого распределялась (если можно так выразиться) среди управленческого персонала государства. В Месопотамии эта Сила называлась «шимту» (Он же 2005: 103). Только наличие божественной воли позволяло принимать решения, осуществлять управление. Если эта связь прерывалась, наступала анархия (Демидчик 2005: 85).

Все царские подданные, начиная с вельмож и заканчивая земледельцами, воспринимались как тело фараона (причем в буквальном смысле этого слова). Люди, посылаемые с царскими поручениями за пределы Египта, считались частями царского тела (Берлев 1972: 170). Любой вид принадлежности – недвижимого имущества, скота, слуг, зависимых родственников обозначался как *dt* (от *dt* – от плоти) (Перепелкин 1988: 32–33), то есть считался частью тела (опять же в буквальном смысле этого слова). В Месопотамии имущество рассматривалось как «продолжение человека за его пределы» (Клочков 1983: 49).

Фараон «лично» не только руководил всеми работами в Египте, но и производил (в сознании египтян того времени) все материальные блага (Берлев 1978: 39). Все, что ни делалось в государстве, во всех сферах деятельности сводилось к особе фараона (Перепелкин 2000: 147). Производство воспринималось как акт творения. Вместо производства на основе определенных экономических законов имел место процесс творения вещественных благ с помощью божественной силы. При этом совершение ритуала (как благо) и творение вещей (как благо) воспринимались как явления одного порядка. Совершение ритуала жрецами принципиально не отличалось от реальной производственной деятельности. В свою очередь, производство носило ритуальный, сакральный характер.

Каждому этапу исторического развития соответствовал определенный тип социального пространства. Например, в СРД специфика социального пространства заключалась в синкретическом единстве хозяйственного и собственно социального. У египтян не было понятия государства, было понятие «дом» (Перепелкин 2000: 94–95). Египет воспринимался как большая семья во главе с отцом-фараоном (Берлев 1972: 100).

Социальное пространство – это зона определенности, стабильности, где действие внешних лимитирующих факторов не должно оказывать определяющего воздействия на социальную жизнь общины. В древности страховой фонд зерна позволял свести к минимуму отрицательное воздействие неурожайных лет. При этом зерно хранилось в храмах (Бондарь 2008: 181). Города Южной Месопотамии возникли из общин-поселений, оформившихся вокруг храмов. Последние были не столько культовыми институтами, сколько административными и хозяйственными центрами местного самоуправления (Козырева 2011: 18).

Социальное пространство может нормально существовать только на основе Порядка. Любой беспорядок в природе рассматривался как результат неправильного поведения (Кочакова 1993: 21). В сознании людей того времени нарушение социального порядка представителями руководящей элиты могло привести к различного рода бедствиям (Иорданский 1982: 12–13).

Концепция ойкумены

Проблема влияния природных факторов на социальные процессы так же актуальна, как и в случае биологической эволюции. Наибольшее внимание этой проблеме уделяла и уделяет научная школа, основанная Э. С. Кульпиным (2001; 2008). С 1992 г. в ее рамках проводились ежегодные конференции «Человек и природа».

Однако здесь опять следует обратиться к вышеуказанному положению, по которому факторы одной ФДМ не могут оказывать определяющего влияния на процессы в рамках другой ФДМ. Для примера следует остановиться на том кризисе, который разразился в Египте в последних столетиях 3-го тыс. до н. э. вследствие разрушения Древнего царства.

Д. Б. Прусаков связывает нарушение социально-экологической стабильности в этот период со снижением уровня разливов Нила, что было для Древнего Египта одним из опаснейших экологических бедствий, сопровождавшихся сокращением площади самых плодородных заливных земель. Превращение этого процесса в устойчивую тенденцию неизбежно должно было привести страну к экономическому кризису (Прусаков 1999: 126).

В случае Египта мы имеем региональный (вмещающий) ландшафт долины Нила, где хозяйственная деятельность человека становится неотъемлемой частью природного круговорота еще в поздненеолитический период. Хозяйственная деятельность, выступая в качестве географического фактора, образует с природными условиями своеобразный хозяйственно-

экологический комплекс, в пределах которого происходит взаимное приспособление обоих компонентов. Здесь уместно привести аналогию с действием наркотиков, которые в процессе их употребления становятся неотъемлемой частью обмена веществ. Резкое прекращение приема наркотиков вызывает кризисное состояние, сопровождаемое нарушением многих функций организма. Нечто похожее имело место в истории Египта. Снижение уровня хозяйственной деятельности и изменение ее характера вследствие глубокого социального кризиса могли оказать дестабилизирующее воздействие на природную систему региона долины Нила и стать причиной снижения уровня его разливов.

Для понимания взаимодействия природных и социальных процессов полезной будет концепция ойкумены (Кондорский 2011; 2017а). Обычно этим термином обозначается заселенная человеком часть мира. Мы же рассматриваем ойкумену как особую систему, имеющую свои внутренние законы, как освоенное человеком географическое пространство, как единство природных и социальных явлений. Близкой является концепция вмещающего ландшафта Л. Гумилева (1990).

Основным элементом ойкумены как системы являются каналы распространения социальной информации в форме миграций (типа «просачивания»), торговли (как правило, предметами престижного характера), войн (по законам, которые принципиально отличаются от современных). Основу составляет обмен информацией в форме межобщинных коммуникационных сетей и в Месопотамии, и в Древней Греции, и в средневековой Европе (Бондаренко и др. 2010: 130–132).

В качестве социальной информации можно рассматривать любые действия, имеющие социальные последствия. Приведем пример. Если человек просто покушал – это обычно имеет только физиологические последствия. Но если он организовал, устроил пир, то это уже имеет социальные последствия, часто достаточно значимые. До Нового времени (особенно в период древности) пир был одним из важнейших социальных институтов.

В неолитический период существовала Евроазиатская ойкумена (включавшая Северную Африку), в рамках которой шло последовательное распространение из центра основных технологических изобретений того времени: культурных злаков, одомашненного скота, расписной керамики, гончарного круга, технологии изготовления бронзы и т. д. Все эти изобретения сначала появлялись в центре ойкумены – Западной Азии (Кондорский 2017а: 21). При этом работал принцип регулярного распространения нововведений посредством мобильных пастушеских групп, на основе своеобразного «растекания» (Дьяконов 1982: 17).

Кстати, понятие центра имело огромное значение во всех сферах жизни человека в период древности. Дельфы, находившиеся в географическом центре Греции, воспринимались как «пуп земли» и являлись наиболее значимым религиозным центром для греков. Тит Ливий отмечал достоинства географического положения Рима (Кулишова 2006: 140–141).

Можно предположить, что аналогичным образом шло распространение в рамках материков «технологических» нововведений биологической эволюции на уровне ЭВП. Носителями также были мобильные небольшие группы, не имевшие структуры классической популяции. Это объясняет отсутствие ископаемых предковых форм. Дорические племена в процессе миграции с Северных Балкан в Грецию не оставили абсолютно никаких культурных следов (Андреев 2004а: 80–81).

Явления, аналогичные биологическим параллелизмам, в социальной эволюции

Архаическим революциям предшествовало появление в бронзовый век городов-государств, внешне похожих на классические полисы. Особенно это касается Финикии (Циркин 2001; Шифман 2004). Если внимательно рассмотреть основные характеристики Карфагена, то можно найти много внешних параллелей с Римом как полисом (Машкин 1948; Циркин 2004). Но это только форма. Эти структуры не имели потенциала дальнейшего развития. Поэтому поражение Карфагена от Рима, несмотря на блестящие победы Ганнибала, носило закономерный характер.

Все цивилизации (социумы) бронзового века «почили в бозе» и не имеют никакого отношения к появлению полисов. Классической Греции предшествовала крито-микенская цивилизация бронзового века. Но она вследствие внутренних причин погибла еще за сто лет до появления на Пелопоннесе дорических племен (Андреев 1985: 13; 2004а: 60).

То есть здесь мы имеем явление, которое можно сопоставить с биологическими параллелизмами, когда появлению принципиально нового архетипа предшествовало появление структур, имеющих его отдельные элементы. Так же как и в случае с городами-государствами бронзового века, эти структуры не имели заметного потенциала развития.

Следует обратить внимание еще вот на какой момент. Е. Н. Курочкиным было показано, что процесс формирования архетипа современных птиц начался намного раньше, намного «глубже», прежде чем это внешне проявило себя (Курочкин 2006). То же самое касается Рима. Несмотря на близкое соседство с этрусскими городами-государствами и многочисленные культурные заимствования, тренд развития Рима как классического полиса начался, возможно, еще раньше появления самих этих городов-государств.

Рим представлял собой пример типичного социума открытого типа, который принимал пассионарные кланы со всей Средней Италии. Аналогичные процессы имели место в рамках ранней истории Московского государства.

Линейный характер исторического развития в рамках неолитического этапа социальной эволюции

Отсутствие какой-либо преемственности гомеровской Греции с крито-микенской цивилизацией характерно и для других (в той или иной степе-

ни) переходов подобного рода. Это свидетельствует об отсутствии линейного характера исторического развития. Начало нового этапа имеет характер своеобразного «витка». Новые социальные структуры формируются на самостоятельной основе. В основе всех основных цивилизаций постархаического периода лежали мигрировавшие пастушеские племена.

О линейности можно говорить только в пределах самого этапа исторического развития. В рамках неолитического периода просматривается следующая схема: «локальная группа – племя – вождество – раннее государство» (Sahlins 1960; Service 1971). Хотя существует мнение, что вождество возникает без предшествующей племенной стадии (Carneiro 1970).

В доархаический период граница между вождеством и государством носила довольно зыбкий характер. Д. М. Бондаренко ввел понятие мегаобщины (на примере «государственности» Бенина), которая занимает промежуточное положение между собственно вождеством и государством. Отличительной чертой мегаобщины является способность организовать на достаточно обширных территориях многоуровневое общество, основываясь преимущественно на трансформированном принципе родства (Бондаренко 2001: 232–249; Бондаренко и др. 2010: 133).

Одним из основных признаков государства считается наличие аппарата насилия у властей. Как уже говорилось выше, типичным государственным образованием этого периода можно считать Древний Египет. Однако здесь «насилие» сводилось к палочной экзекуции провинившихся чиновников, которые не справлялись со своими обязанностями – организацией хозяйственной деятельности.

Как уже говорилось выше, в неолитический (в широком смысле этого слова) период исторического развития основой социального пространства являлась хозяйственная деятельность. Не путать с экономической, которая имеет совершенно иные корни. В Древнем Египте ткачихи, так же как и работники других профессий, воспринимались как «человеко-руки». При этом парадокс заключался в том, что на гробницах встречаются изображения, на которых эти же ткачихи за «доблестный труд» награждаются ожерельями. Высшие начальники совершенно искренне хвастались, что давали хлеб и одежду голодным и нагим, заботились о сырых и убогих (Перепелкин 2000: 123, 125, 129). Получается типичный колхоз.

Базовую основу различного типа вождеств и «государств» составляла традиционная община, обладавшая известной степенью автономности (Бондаренко 2001: 185, 190; Гуляев 1979: 212; Самаркина 1974: 13). Лишь в финальный отрезок этого периода (бронзовый век) происходит известное ограничение этой автономии, например, в рамках крито-микенской цивилизации и городах-государствах Ближнего Востока. В Древнем Египте сельская община в классическом исполнении исчезает еще в период Древнего царства.

В африканском государстве народа йоруба общество объединялось связями по родству. Первичной ячейкой государства был семейно-родовой коллектив, в который кроме живых включались умершие и не-

рожденные поколения. Царь воспринимался как отец. Его власть над «подданными» была основана на естественном подчинении, подобно тому как в семейной общине младшие подчиняются старшим. Все «политические» отношения выражались в терминах родства (Кочакова 1993: 28), то есть здесь мы имеем то, что было характерно (в той или иной степени) для всех остальных доархаических «государств».

Важнейшим условием формирования вожества являются долговременная оседлость и умение впрок сохранять большие запасы пищи, что способствует появлению избыточного продукта (Кабо 1986: 174). Можно говорить о единстве базовых принципов (закономерностей) социального и биологического круговорота. Основой нормального круговорота является деструкция избыточной биомассы. Аналогично в доархаический период в рамках египетской, месопотамской, индской цивилизаций основной задачей государств того времени (имеющих в качестве базиса вожество) была утилизация избыточного продукта в форме строительства тех же пирамид, храмов и других культовых сооружений и ритуальных мероприятий.

Для вожеств было характерно возведение мегалитических сооружений, гробниц, святилищ, насыпей, статуй (Васютин и др. 2005: 49). В случае исчезновения избыточного продукта вожества могут трансформироваться в племена. Например, подобное явление наблюдалось в районе «сабейского» Нагорья в раннеисламскую эпоху в результате социально-экологического кризиса (Коротаев 2002). То, что этот процесс сопровождался бурным развитием товарно-денежных отношений, свидетельствует о том, что избыточный продукт в рамках вожества здесь сменился прибавочным.

Специфика появления государства в период древности

Важнейшим элементом социально-политического образования, имеющего элементы государственности, можно считать наличие общественного договора. Как было показано выше на примере Древнего Египта и Месопотамии, на основе «общественного договора», заключенного с богами, правитель регулярно «получал Силу», которая позволяла ему управлять государством. Субъектом договора могли быть божественные предки, как это имело место в китайском государстве Шан-Инь (Васильев 1983: 158–159) и африканском Бенине (Бондаренко 2001: 53).

Рим возник, с одной стороны, за счет синойкизма ряда поселков, а с другой – в результате общественного договора между «бандой» Ромула и населением римских холмов (Нечай 1972: 9–10). В последующей истории этого города имел место целый ряд «общественных договоров» между различными социально-политическими стратами. Ромул объединил юношей, порвавших со своей общиной, и занимался элементарным грабежом. Но затем «сменил тактику» и взял под свою защиту жителей будущего Рима.

Здесь мы сталкиваемся с институтом мужского союза. Наиболее приемлемая этимология римской курии – *co-virgia*, «союз мужей» (Немировский 1962: 138). Данный институт появился еще в период ранней древности. Неженатые юноши жили отдельно от общины и занимались в основном набегами на соседей и в то же время охраной племенной территории (Андреев 2004б). Именно мужской союз был первичным источником политического. Политическое невозможно внутри общины и должно носить надобщинный характер.

В доархаический период правитель воспринимался отнюдь не как внешняя по отношению к своим «поданным» сила (Бондаренко 2001: 194). Процесс государствообразования не приводил к разрушению общинных связей (Кочакова 1993: 47). В Ассирии попытки царей проявить самостоятельность по отношению к общине столичного города Ашшура обычно заканчивались для них печально (Бондарь 2008: 135).

В этот период политическое находилось в синкретическом единстве с хозяйственной основой социального пространства того периода. Соответственно, все виды «государственного» управления выражались и воспринимались в хозяйственных терминах и понятиях. Инфраструктура социального пространства политического объединения любого характера носила хозяйственную направленность. Без создания и поддержания сельскохозяйственной инфраструктуры (каналов, дамб, водохранилищ) в том же Египте и Месопотамии невозможна была никакая государственность.

Вообще все носило, можно сказать, «органический» характер. Выше уже говорилось о телесном единстве человека, его имущества и зависимых людей в Египте. Даже труд наряду с землей может рассматриваться как часть природы индивида (Кисилев 1985: 68). В этот период отсутствовало представление о труде вообще, о труде как источнике благ (Следзевский 1977: 101). Все сводилось к богам и правителю как медиатору божественной силы. Имела место материализация отвлеченных понятий. Удачливость, чистота, несчастье и счастье обретали вещные формы, «материализировались» либо персонифицировались (Иорданский 1982: 69).

Нет таких предметов, которым не нужна была опись в этот период в Месопотамии. Самый ничтожный расход фиксировался документом на глиняной плитке и закреплялся печатями ответственного чиновника (Емельянов 2001: 89). Аналогичная ситуация наблюдалась и в Древнем Египте, в крито-микенских государствах и не только. То есть можно сказать, что и письменность в этот период находилась в органическом единстве с предметным окружением, хозяйственной деятельностью.

После архаических революций появляются полисные системы (в широком смысле этого слова) во всех основных регионах Евразии. Если на предыдущем этапе элементы государственности характерны для инерционного периода (энеолита и бронзового века), то на постархаическом – уже для архаического периода. Мы не согласны с мнением, что греческие полисы (Berent 1996) и римская *civitas* (Штаерман 1989) носили безгосударственный характер. В основе общественного договора лежит синой-

кизм. При этом участвующие в данном процессе поселения теряют свою самостоятельность. Кстати, до синоикизма общины объединялись только в случае внешней опасности (Андреев 2003: 105, 122; Туманс 2002: 138).

Так же как и в Риме, важнейшей составляющей государственности становится роль представителей мужского союза. В отличие от доархаического периода, это люди, как правило, со стороны. Чужеземец Меланф получил царскую власть в Афинах за победу над беотийским царем (Туманс 2002: 82). Идея (очень часто в мифологической форме) об основании местной государственности чужаками, приглашенными местным населением для поддержания порядка и справедливости, характерна для многих народов (Бондаренко 1993: 150).

Важнейшей функцией государства является контроль личностного потенциала. В период Возрождения, когда появляются города, состоящие из потенциально автономных личностей, возникает опасность разрушения всей европейской социально-политической системы. Личностью начинают осознавать себя даже крестьяне. Достаточно вспомнить Крестьянскую войну в Германии. Все это способствует появлению собственно государства («estado» в Испании, «etat» во Франции), основной функцией которого является контроль личностного потенциала на основе системы жестких законов.

Нечто похожее имело место в Древней Греции. Здесь после архаической революции индивидуализм начинает противостоять коллективизму (Туманс 2002: 62). Это в конечном итоге приводит к появлению, по существу, «тоталитарной» системы государственности в классических Афинах.

Здесь достижения того или иного должностного лица практически не принимались во внимание при наказании за допущенные ошибки. При остракизме политика изгоняли за его потенциальную опасность для общины. Суд по политическим делам проводился не по законам, а согласно велению гражданской совести. Часто репрессиям подвергались друзья обвиняемого, родственники и даже дети. Сюда следует добавить гипертрофированное доносительство (сикофанство) и шпиономанию в форме лаконофильства и мидизма (Зберовский 2008), то есть здесь мы видим все то, что было характерно для тоталитарных режимов в XX в. Коллектив гражданской общины держал любую индивидуальную личностную активность под контролем (особенно элиты).

Полис следует понимать как основную форму политической и социальной организации античного общества, появившегося уже после демократических революций в Греции и Италии вместе с гражданской общиной, которая является его основой. Полисные структуры нужно рассматривать как зоны определенности, где влияние непредсказуемых факторов сведено к минимуму (Кнабе 1986: 20). Именно относительно небольшие размеры полиса позволяли достаточно эффективно поддерживать его социальное пространство. В рамках различного рода надполисных структур, начиная с Афинского союза и заканчивая Римской империей, полис всегда оставался формой существования социального пространства.

Полисы (точнее, социумы полисного типа) можно найти во всех регионах, где имели место архаические революции. Помимо Греции и Италии – на Ближнем Востоке (Белявский 1971: 224–225) и в Северной Индии (Бонгард-Левин 1966). Что касается Китая, то мы считаем, что города-государства периода Чуньцю имеют тот же исходный архетип, что и полисные структуры вышеуказанных регионов (Кондорский 2013: 21).

Социумы поздней древности

В СПД революционные изменения в социальном сознании в первую очередь были связаны с принципиальными изменениями отношений с богами. Если в СРД социальные объединения, находящиеся под покровительством богов, получали от них Силу через своего сакрального правителя как медиатора, то в СПД источником Силы является сам народ. Народ заключает договор с богами, на основании которого получает от них управляющую Силу в «постоянное пользование» (Там же: 20). В Риме это проявилось в виде империи, а в Китае – в форме мандата Неба.

В СПД появление принципиально нового типа сознания способствовало формированию другой системы ценностей, иного характера хозяйственной деятельности и вмещающего ландшафта. В СРД отсутствовала какая-либо заметная территориальная экспансия. В Китае размеры государства Шан-Инь (как СРД) в период всей его истории оставались практически неизменными (Думан 1970: 20). То же самое относится к Египту. Войны, которые вели Рамескиды в Передней Азии в период Нового царства, носили грабительский характер. Аналогичная ситуация имела место в Ассирии в этот период (Дьяконов 1949: 87).

В то же время в период архаической революции в Китае происходит резкое увеличение территории Западного Чжоу, включавшей племена самого различного этнического происхождения. В период Чжаньго начинается необратимый процесс политического объединения страны, ведущая роль в котором принадлежит царству Цинь. Здесь уместно вспомнить реформы первого министра этого царства – Шан Яна. Основная идея реформ была направлена на развитие земледелия как основы мощи государства. Распашке целины должна быть подчинена вся жизнь страны (Рубин 1999: 40–53).

Нечто похожее наблюдалось в этот период в Индии. Цари Магадхи, вступившие на путь объединения страны в V–VI вв. до н. э., считали основной целью своей деятельности расчистку джунглей и использование для земледелия всей свободной земли (Косамби 1968: 374).

В отличие от Египта и Месопотамии, ирригационные сооружения Индии и Китая были созданы и функционировали по технологическим законам, будучи в определенной мере отчужденными от природы. Преобразование ландшафтов Северного Китая резко изменило здесь характер климата (Дьяконов 1982: 496).

В результате интеграционных процессов в СПД происходит формирование надобщинных структур (Кондорский 2014г). Моделью может

служить мандала как форма идеального государства, подробно описанная в трактате «Архашастра» времен империи Маурьев в древней Индии (IV в. до н. э.). В трактате держава-мандала изображалась как объединение традиционных социальных организаций (общин), сохранявших в рамках рассматриваемых царств (империй) свою структуру и самоуправление и выступавших как территориальные подразделения. Уважение, высказываемое царем-гегемоном местным традициям и лидерам, служило цели формирования и сохранения связей с ними, являясь одним из важнейших средств, обеспечивающих относительную целостность державы (Лелюхин 2001: 15).

В рамках «мандалы» победитель настаивал на праве распоряжаться всей свободной землей, где он мог расчищать джунгли, основывать новые поселения, добывать полезные ископаемые (Косамби 1968: 156). При этом осуществлялась совместная постройка укреплений, оросительных сооружений, обустройство пустошей, торговых путей.

Структуру мандалы имела Греция в период македонского господства в виде Коринфского союза. После победы при Херонее Филипп не предпринял карательных действий. То же самое относится к Итальянской федерации во главе с Римом.

Можно утверждать, что мандала – принцип, на основании которого формировалась структура любой державы того времени. Это объединение территорий доминирующего правителя и его союзников (Лелюхин 2001: 29). А. В. Коротаев предлагает использовать для объединений подобного рода термин «мультиполития» (Коротаев 2003: 60).

После исчерпания полисными структурами своего потенциала развития происходит бифуркация, связанная с появлением нового типа надобщинного пространства – имперского. В Риме этот процесс связан с эпохой гражданских войн, в Китае – с распадом империи Цинь и появлением Хань. В отличие от мандалы, структурные элементы в рамках имперского пространства теряют свою самостоятельность. Местное самоуправление носит формальный характер.

В эту эпоху все имеет отчужденный характер – политика, экономика, система ценностей. Происходит деградация социального пространства и общинной организации. А так как личность человека того времени с ним органически связана, земледельцы уже не могут самостоятельно вести свое хозяйство и превращаются в зависимых колонов. Аналогичные процессы в это время происходят в Китае (Малявин 1983: 23).

В имперский период полностью прерывается органическая связь человека с природой, происходит процесс необратимого ограбления и деградации вмещающего ландшафта. В Италии были вырублены великолепные дубовые и буковые леса. Испания, покрытая субтропическими лесами, превратилась в степь. В Африке богатейшие долины были выпажаны и перестали давать какие-либо урожаи (Гумилев 1990: 202).

Процессы формирования ойкумен носят обычно сукцессивный, стадийный характер. Так же как и в случае растительных сообществ, сначала

появляется пионерная ойкумена, которая начинает осваивать определенный регион, создавая условия для последующих стадий. Все это заканчивается так называемой климаксной системой со сложной структурой (Кондорский 2012: 117).

Освоение окрестностей Средиземного моря начали финикийцы. Греки быстро переняли опыт финикийцев в мореходстве, торговле, основании факторий. Рим сначала формирует латинскую, затем италийскую и, наконец, средиземноморскую ойкумену в рамках империи. Следует обратить внимание на тот факт, что Рим объединил регионы, где собственная ойкумена еще не сформировалась или уже деградировала (как в Греции и на Ближнем Востоке).

Являясь в своей основе социально-географической системой, каждая ойкумена имеет свои естественные границы. Здесь действует следующий принцип – субъекты исторического пространства одной ойкумены не могут оказывать определяющего влияния на социально-исторические процессы в рамках других ойкумен.

Естественная граница римской ойкумены проходила по Дунаю и Рейну, а на Востоке – по границам Сирии и Палестины. Между римским и неримским миром установилось то равновесие сил, которое было нецелесообразно и опасно нарушать (Кнабе 1993: 228). Выходя за естественные границы на Востоке в ходе парфянских войн, римляне чаще терпели тяжелые поражения. Это и страшный разгром легионов Красса, и неудачный поход Марка Антония, и гибель императора Каракаллы (Бокщанин 1966). Попытки римлян перейти Рейн при Августе закончились гибелью трех легионов в Тевтобургском лесу, что вызвало серьезные проблемы в Империи (Шифман 1990: 119).

Отношения Рима и германских племен в чем-то аналогичны отношениям динозавров и млекопитающих в мезозойскую эру. И германцы, и Рим появились приблизительно в одно и то же время. Однако в период Империи у Рима осталось блестящее прошлое, а германские племена ожидало блестящее будущее. Несмотря на несовместимые «размеры», обращает на себя внимание устойчивость германских племен по отношению к Риму. Нечто похожее имело место в период «молодости» Рима во время похода Ганнибала в Италию. Обладая высоким регенерационным потенциалом, несмотря на ряд тяжелых поражений, римляне в конечном итоге выиграли Пунические войны.

Основу ойкумены всегда составляли потоки информации. Важнейшей функцией государства является контроль этих потоков (Carneiro 2000: 186). По существу, все типы государств до появления собственно государства («etat») в Новое время в качестве основы, базиса имели ойкумену. Однако во многих западных странах законы ойкумены продолжали действовать и в Новое время. Несмотря на то, что армии Карла, Наполеона, Гитлера были более профессиональны, Петр, Кутузов, Сталин сумели перевести их из политического европейского в российское цивилизацион-

ное пространство, где заметную роль играют факторы ойкумены – географическое пространство и климат.

Все социально-политические системы на каждом этапе исторического развития проходят три основные стадии: архаическую, классическую и инерционную (когда полностью заканчивается процесс прогрессивного развития). Подобного рода стадии хорошо просматриваются в истории древних Рима и Греции.

В связи с этим предложенная Л. Е. Грининым, А. В. Коротаевым и А. В. Марковым (Гринин, Марков, Коротаев 2009; Гринин и др. 2012) концепция использования понятия социального ароморфоза (по аналогии с биологическим ароморфозом) нуждается в определенной коррекции. Подобного рода подход нужно использовать на уровне отдельных социально-политических систем. К тому же нужно иметь в виду, что «процветание» приходится на позднюю классику и начало инерционного периода. Если сравнить архаический Рим (когда за плугом могли стоять сенаторы) с соседними этрусскими городами-государствами, то, естественно, ситуация с «процветанием» не в пользу первого. Однако этруски находились в инерционной фазе, а Рим имел огромный потенциал последующего «ароморфного» развития.

Важно выделить технологическую составляющую. Любой технологический прогресс имеет собственно социальные последствия, например, освоение человеком технологии изготовления железа (Гринин и др. 2012: 142), так же как технологический прогресс биологических организмов имел последствия на уровне видообразования. То есть здесь о «последствиях» можно говорить как о своеобразной категории. Технологический аспект любой эволюции (начиная с эволюции звезд и их систем) имеет общие принципы. Если мы возьмем эволюцию автомобилей, то найдем здесь все то, что было характерно для биологической эволюции. И план строения, и явления параллелизма, и адаптивные и инадаптивные направления, и адаптивную радиацию, и т. д.

Архаическую, классическую и инерционные стадии развития можно наблюдать у эволюционных таксонов, особенно на уровне отряда. Если мы возьмем завроптеригии, то архаические нотозавры характерны для триаса, классические плезиозавры – для юры и конечные формы – эласмозавры – для мела (Габуня 1969). В инерционный период происходит полное вымирание этого отряда. Подобного рода развитие характерно для ихтиозавров, динозавров и других отрядов.

После архаических революций происходят изменения и в характере социального пространства. Основу социального пространства составляет общение. Еще в неолитический период исключительную роль в этом отношении играли ритуальные центры (Березкин 1997; Гүляев 1979: 76). В СРД поддержание социального пространства носило циклический характер в виде регулярно проводившихся празднеств и ритуалов, основным из которых был праздник Нового года (Емельянов 2001: 55). Практиковался ежегодный объезд правителями культовых центров, например,

в Хеттском государстве (Ардзинба 1982: 22), Тинитском царстве Древнего Египта (Прусаков 2001: 80). Вообще различные формы «полюдья» в широком смысле этого слова в период древности характерны для всех основных исторических народов (Кобищанов 2009).

После архаических революций начинается процесс формирования пространства стационарного типа. Например, в Греции (и не только) основу этого пространства составляли структуры, где люди могли встречаться и общаться между собой: агора, храмы, театры, гимнасий, общественные бани. Здесь можно говорить о своеобразной «утилизации» свободного времени в процессе социального круговорота на основе классического рабства.

В рамках нового типа социального пространства хозяйственная составляющая (которая полностью доминировала в том же Египте и Месопотамии) «свертывается» в античный период до уровня ойкоса и фамилии. В основе этимологии «фамилия» лежит «дом» (санскр. *дхаман*). Соответственно, власть египетского фараона имела тот же архетип, что и «отеческая власть» (*patria potestas*) римского *pater familias*.

Однако собственно политическое пока еще находится в единстве с собственно социальным. Все, что называется политической борьбой, и в Афинах, и в Риме происходило по социальным законам и на основе социальных связей. В римском сознании качества политического деятеля всегда сливались с общечеловеческими и определялись нерасчлененностью морали и политики (Утченко 1977: 65). То же самое относится и к собственно экономическому (Голубцова 1983: 303–311).

Параллели между структурой сообществ в рамках биологической и социальной эволюций

В 1970–1990-е гг. сотрудниками палеонтологического института была проделана большая работа по изучению кризисов мезозойской биоты (Жерихин 1987; Каланадзе, Раутиан 1993; Раутиан, Жерихин 1997 и др.). Особое внимание было уделено среднемеловому кризису – самому крупному за всю мезокайнозойскую историю (Раутиан, Жерихин 1997). Кризис имел место и в юрский период (Каланадзе, Раутиан 1993; Барсков и др. 1996).

Здесь нужно обратить внимание на один важный момент. Кризисы при переходе от палеозойской к мезозойской и от мезозойской к кайнозойской эре по своей природе отличались от мелового и юрского. В медицине под кризисом понимается переломный момент в течении болезни, ведущий к резкому улучшению или ухудшению состояния больного. То есть кризис можно рассматривать как внешнее проявление регуляторных процессов. В ходе мелового и юрского кризисов не произошло разрушение биоты, в отличие от рубежа мезозойской и кайнозойской эр.

В истории Рима эпоха гражданских войн I в. до н. э. потрясла основы государства. Тем не менее этот кризис способствовал формированию новой системы управления империей, обеспечившей ее существование еще

на 400 лет. Основной причиной кризиса была деградация полиса (от которого осталась одна оболочка) и полисной системы управления в условиях той огромной территории, которую охватывало в то время Римское государство.

Нечто похожее было в мезозойскую эру. Можно предположить, что по аналогии с социальной ФДМ в первой половине мезозойской эры структурной основой биоты были объединения сообществ типа полиса, занимавшие заметную территорию. Эти структуры имели свою внутреннюю жизнь и отличались эколого-ценотической замкнутостью (Куркин 1976) по отношению к другим «полисам». В этот период экотоны занимали (вероятнее всего) около половины территории. Палеонтологи отмечают преимущественно околородный характер сообществ в мезозое (Красилов 1997). Основным типом пищи для динозавров была масса растительно-бактериальных матов, главным образом плавающих (Пономаренко 1998). Это обусловило локальный характер их обитания (Попов 2005).

В палеозойскую эру подобного рода тенденция носила еще более выраженный характер. В карбоне появившийся растительный покров занимал небольшую часть тогдашней суши. В основном это были леса болотистых местностей, примыкающих к морям (Давиташвили 1977).

Поразительно, но в период социальной эволюции соответствующие палеозойской эре тогдашние цивилизации располагались в болотистой пойме рек. Месопотамская – Тигра и Евфрата, Египетская – Нила. Основной структурной единицей здесь был ном, который мог занимать заметную территорию, но воспринимался как единое хозяйство. По аналогии можно предположить, что в палеозойскую эру сообщества, которые могли занимать значительные площади, представляли собой единую экосистему.

В последующие периоды мезозойской эры появляются типы «полисов», отличавшиеся внешней активностью и открытые для миграции «пассионарных» форм из других, более консервативных полисов. Происходит образование объединений этих структур в форме своеобразных «империй». При этом в конечном итоге начинается деградация «полисной» основы мезозойской биоты, что и приводит к ее кризису и последующей гибели.

В кайнозойскую эру основой структуры биоты становится континуум сообществ (Миркин 1985) в форме известных нам биомов. Например, большинство типично таежных растений обладает в Евразии сплошным распространением на всем протяжении между берегами Атлантического и Тихого океанов (Толмачев 1986). Кайнозойские биомы формировались на основе внутренней колонизации, то есть максимального освоения всех участков суши. Покрытосеменные представляли для этого – идеальный инструмент.

Массовая внутренняя колонизация в результате «великих расчисток» XI–XII вв. стала основой экономического базиса развития феодализма в Западной Европе (Блок 1957: 45–46; Глебов 2014: 22–23).

Третий виток исторического развития

После гибели постархаических цивилизаций (в первую очередь Римской империи) начинается третий виток исторического развития. Когда мы говорим о феодальной революции в Западной Европе, нужно иметь в виду, что собственно германские объединения (с их племенным типом сознания) исторически к этому отношению не имели. То же самое относится к реликтам романского населения.

К моменту феодальной революции (а это район IX–X вв.) уже не было ни того, ни другого. Регулярные «перетряски» населения в предшествующий период, отягощенные регулярными набегами норманнов, привели к появлению общин, лишенных и варварского, и латинского сознания. Появилась потребность в тех, кого мы называем феодалами.

Этот класс появился на основе консолидации «свободных атомов» в Западной Европе и имел архетип мужского союза. Заключив общественный договор, общины передали корпорации феодалов свою власть-собственность в понимании Л. С. Васильева (1982). Кстати, данные исторические процессы могут служить своеобразной моделью для понимания перестроек сообществ на рубеже мезозоя и кайнозоя.

Именно после феодальной революции происходит полное отделение военно-политического от собственно социального. Именно отделение, а не отчуждение, как это произошло в Римской империи после периода гражданских войн. Отчужденное политическое может существовать только в инерционном режиме. Отделенное политическое приобретает свои внутренние законы и свой потенциал последующего развития. То же самое касается экономического.

Архетип мужского союза лежал в основе появления полисов Греции (особенно Спарты). То же самое относится к Александру Македонскому и его окружению, имевшему типичное сознание мужского союза и державшемуся в своих походах подальше от родных общин. Первичные христианская и мусульманская корпорации (именно корпорации, а не общины) действовали по тому же принципу. Не исключено, что аналог института мужского союза имел место в рамках биологической ФДМ и играл ту же важную роль.

Что касается Меровингов и ранних Каролингов, то здесь мы имеем не ранний феодализм, а процесс феодализации, когда появлялись только отдельные его признаки. Феодализм как система появляется только после феодальной революции на основе сформировавшегося феодального архетипа. Согласно данной концепции, в Древней Руси был не феодализм, а шел процесс феодализации. Феодальная революция имела место уже в рамках другой системы – Московского государства (Кондорский 2017в: 156).

В Китае гибель империи Хань положила начало периоду феодализации, который продолжался более 500 лет. Многочисленные исторические (эволюционные) ветви, связанные с появлением различного рода государственных образований и династий, имели отдельные признаки, характер-

ные для феодализма. Сам феодализм как система (в «китайском исполнении») появляется только в период империи Сун (Кондорский 2016б: 34).

В отличие от Западной Европы, где феодализм формировался с чистого листа, в Китае сохранилась заметная преемственность с предыдущим периодом. В этом отношении Китай очень похож на Византийскую империю, которая постоянно декларировала свою преемственность с Римской империей (Каждан 1966: 56). Аналогичная ситуация была характерна для Московского государства. Все это обусловило относительно низкий потенциал последующего развития.

В процессе формирования национальных государств политическая власть концентрируется в руках короля, который становится абсолютным монархом. Собственность остается у феодалов, которые трансформируются в дворян. Происходят кардинальные изменения в сознании, тонко подмеченные Сервантесом в своем бессмертном произведении. Начинается очередной период «-заций», предшествующий капиталистической эпохе и характеризующийся появлением многочисленных внешних его признаков.

Роль фактора географического пространства в эволюции

В биологической эволюции важное значение имеет фактор географического пространства. Эволюция высших таксонов может происходить только на максимальной территории, характерной для данного геологического периода. В третичный период формирование основных отрядов плацентарных происходило на территории северных материков (Азии, Европы, Северной Африки), образующих в первой половине этого периода единое целое (Агаджанян и др. 2011). В палеозое и мезозое биоты, находящиеся на периферии, были слабыми генераторами новых признаков растений и новых таксонов высокого ранга (Меннер 1988).

Наиболее прогрессивная эволюция в рамках основных эр происходила в пределах максимальной территории существовавших тогда материков, причем в центральной части этой территории. В связи с этим мы не можем принять концепцию А. М. Буровского о ведущей роли Европы в этом процессе только на том основании, что этот регион был наиболее «контрастным» (Буровский 2013; 2014). Что касается утверждения, что в ледниковые эпохи эволюция протекает ускоренно (Он же 2013: 46), то здесь нужно опять напомнить положение, согласно которому факторы одной ФДМ не могут оказывать определяющее воздействие на процессы в рамках другой ФДМ.

Что касается критики основных положений концепции А. М. Буровского, то здесь мы полностью согласны с А. А. Казанковым. Технологическая революция верхнего палеолита и производящее хозяйство возникли в Леванте, а не в Европе. Затем достижения верхнепалеолитической революции путем диффузии распространились по территории Евразии, а затем и Америки (Казанков 2012: 272–273). То есть здесь мы имеем абсолютно

ту же картину распространения основных технологических достижений, как и в период неолита и бронзового века в рамках Евразийской ойкумены (о которой выше шла речь).

В то же время в Южной Америке, находящейся в палеогене в состоянии изоляции, эволюция носила совершенно иной, можно сказать, «горизонтальный» характер. Здесь на основе копытной организации (архетипа) развились формы, подобные грызунам, верблюдам, слонам, но не родственные им (Дарлингтон 1966; Симпсон 1983).

Точно такая же ситуация наблюдалась в рамках социальной эволюции в Южной Америке. Здесь отсутствовали колесо, гужевой транспорт, производство бронзы и железа. То же самое имело место в Тропической Африке. Кстати, в обоих регионах отсутствовала архаическая революция, так же как и феодальная.

Получается, что в своей основе социальное сознание современных жителей Тропической Африки носит неолитический характер. Это предполагает совершенно иной подход к вопросам коррупции, геноцида, строительства здесь социализма и капитализма (Кондорский 2014в).

Азию можно считать центром происхождения основных групп плацентарных. Северная Америка и Европа по отношению к Азии были биографическими тупиками (Агаджанян и др. 2011). Вселение млекопитающих из Азии было основным способом модернизации североамериканской и европейской биот в раннем кайнозое. Несмотря на то, что связь Азии с Северной Америкой осуществлялась через Берингийский мост, который находился на периферии континента и к тому же регулярно исчезал, все основные группы, возникшие в Азии, были представлены в Америке (Дарлингтон 1966). Получается нечто вроде сообщающихся сосудов. При этом миграция новых форм носила характер «растекания».

Как уже говорилось выше, подобный характер носили миграции в рамках Евразийской ойкумены. Самое интересное, что пути миграции носителей новых технологий из Западной Азии полностью совпадали с «экологическими коридорами», через которые происходил обмен фаун в Евразии (Агаджанян и др. 2011).

Следует также обратить внимание на то, что все известные постархаические цивилизации в Греции, Италии, Северной Индии, Китае, Иране были основаны пастушескими племенами, которые в процессе своей миграции не оставили каких-либо культурных следов (Андреев 2004а: 76). До сих пор ведется спор – мигрировали иранские племена через Среднюю Азию или по западному берегу Каспийского моря.

Параллели между языковой и биологической эволюциями

Биологическому виду в языке соответствует слово (Кондорский 2014б: 58). Как и в случае биологического вида, в человеческой речи слово представлено также конкретными «особями», которые образуют «популяции». Динамика биологической популяции подчиняется статистическим зако-

нам. Поэтому для анализа динамики особенностей слов (частоты их использования в речи) вполне подходят популяционные модели.

Экологическому пространству как арене видообразования в семиосфере соответствует вербальное пространство словообразования с его структурой и законами. Вымирание видов подчиняется законам экологического пространства. Уменьшение частоты использования того или иного слова с последующим «вымиранием» также подчиняется законам вербального пространства. То есть в обоих случаях можно говорить о пространствах появления, существования и вымирания видов (слов), как и о поведении особенностей слов, их адаптивной форме, позволяющей формировать предложения.

С другой стороны, мы имеем «предложения», составляющие структурную основу экологических сообществ и «грамматику» их формирования из особенностей биологических видов. Функциональную основу сообщества как экосистемы составляет круговорот веществ, энергии и информации. Элементом этого круговорота являются не сами видовые особи, а их функциональная деятельность. Например, не лось, а его воздействие на структуру сообщества, связанное с поеданием веток деревьев и подлеска, является элементом урочища как экосистемы. Смысл, значение вид приобретает в качестве структурно-функционального элемента экосистемы. Слово таким же образом приобретает свой смысл как структурно-функциональный элемент предложения. Если следовать вышеуказанной логике, то предложения и структуры более высокого порядка в своей функциональной деятельности должны обеспечивать круговорот информации в рамках семиосферы.

Распределение частоты слов в тексте описывается распределением Ципфа (Арапов 1988; Пиотровский и др. 1977: 19). Точно такая же закономерность характерна и для распределения встречаемости особенностей различных видов в сообществе. Таким образом, текст и экологическое сообщество можно рассматривать как сопоставимые понятия социальной и биологической ФДМ. Текст есть результат языковой деятельности. Музыкальные произведения, балет, живопись, архитектурные сооружения с точки зрения теории вторичных моделирующих систем также связаны с особыми вторичными языками и могут рассматриваться как текст на этом языке (Лотман 1970). Можно утверждать, что все явления и объекты культуры имеют структуру текста. Текст – модель исторически сформировавшегося определенного типа Мира, в котором живет человек. Мир-культура (текст) есть модель (именно модель) Мира-сознания.

Если мы можем «вычислить» виды, которые дали начало определенным родам или семействам, то на уровне эволюционного пространства речь идет только о реконструкции архетипа. Ни для одного из более тридцати отрядов млекопитающих палеонтологами до сих пор не найдено ни одного достоверного предка (Симпсон 1948). Не так давно был «разжалован» из предков птиц «школьный» археоптерикс (Курочкин 2006).

Подобного рода ситуация наблюдается в случае эволюции языков. Здесь также большинство специалистов считают, что реконструированный праязык, который обычно называют «праформой», «архетипом», – это гипотетическая языковая система (Бурлак, Старостин 2005: 172-173; Климов 1990: 42; Нерознак 2010). Праформа должна давать «возможность наиболее полным и непротиворечивым образом объяснить последовательные трансформации частных подсистем, а идеально и системы в целом, в последующие этапы развития уже исторически засвидетельствованных отдельных языков» (Макаев 1977: 88). Под этим утверждением вполне могли бы подписаться и биологи-эволюционисты (имея в виду биологический архетип). Мы можем говорить о реконструкции народной латыни по конкретным языкам.

Получается полное соответствие, с одной стороны, между экологическим и вербальным пространствами, а с другой стороны, между эволюционным пространством и пространством развития (эволюции) языков. Как в биологии, так и в лингвистике оба уровня находятся как бы в разных измерениях и имеют свои совокупности законов.

Условно биологическому типу соответствует макросемья, классу – языковая семья, отряду – языковая группа. В то же время внутри языка можно выделить роды и семейства родственных слов. Если следовать аналогии, связанной со спецификой экологического и эволюционного пространств в биологии, получается, что в процессе эволюции языков имеет место только праформа, а не слова. Язык как таковой – не просто совокупность слов и грамматика, а основа, базис для появления того и другого. Специфика отдельного языка заключается в том, что он находится и в эволюционном, и вербальном пространствах. Та его составляющая, которая дает начало словообразованию в виде «адаптивной радиации», уже не может дальше эволюционировать. Такая же ситуация и в биологии, где эволюция связана только с примитивными (а не специализированными) формами.

Исторические основы языкового развития

Язык самым тесным образом связан с социальным пространством. При этом мы исходим из наличия у языка двух составляющих, каждая из которых имеет свои закономерности – языка-системы (*langue*) и языка-речи (*parole*) (Кондорский 2015; 2016а).

Язык-речь является органической частью социального пространства и соответствующего социального сознания. Каждому этапу исторического развития соответствует определенный тип языка-речи.

В целом язык-речь нужно рассматривать в самом широком смысле этого слова. В первобытный период такие явления, как ритуал, празднества, игра, судебный процесс, война, торговля принадлежали к явлениям одного порядка. Все они базировались на тех же принципах, что и язык-речь в узком смысле этого слова. То есть можно говорить о языке ритуала, празднества, игры и даже войны. Войны в тот период носили исклю-

чительно ритуальный характер (Элиаде 1987: 51). В свою очередь, все вышеперечисленные явления и институты имели архетип игры (Хейзинга 1997). Таким образом, мы имеем категорию деятельности и ее архетип, общий для всех видов деятельности, включая речевую.

Даже в настоящее время в политических сообществах, находящихся в иллюзорном пространстве, экономическая и политическая деятельность происходят по законам игры, без какого-либо заметного материального результата – рынок ради рынка, выборы ради выборов, демократия ради демократии. Автором это показано на примере Украины (Кондорский 2018).

Как уже говорилось выше, социальное мировосприятие египтян кардинально отличалось от такового у современного человека. Это касается и языка. Интересным представляется сравнить одно и то же высказывание. Египетская версия: «Человек убил кролика» выглядела бы так: «Давание человеческого (= совершаемое человеком) зайца на бок» (Чегодаев 2001).

Не менее оригинально выразился бы донеолитический человек-охотник: «Человек, он, один, стоя, нарочно убил, пустив стрелу, кролика, его, живого, сидящего» (Леви-Брюль 1994). Мышление первобытного человека в донеолитический период отражало окружающую действительность в дейктивной речи, позволявшей ему воспринимать мир в конкретной ситуации (Селицкая 1998: 28). Все дейктивное поле речи воспринималось как участки пространства, соотношенные с местом, где располагался субъект речи, то есть здесь отсутствует стационарное социальное сообщество. Аналогичная ситуация в рамках биологической эволюции имела место в дофанерозойский период.

Язык может развиваться только на уровне своего народа, в органическом единстве с ним. Этот момент нужно учитывать и при анализе биологических языков. Несмотря на то, что на тюркский язык перешло много народов самого различного расового происхождения, тюркские наречия, известные с XII в., до сих пор сохраняют свои существенные черты и незначительно изменились (Мейе 2004: 36). «Сопоставление латинской социальной терминологии в источниках раннего Средневековья с терминологией народных языков в англосаксонских и скандинавских памятниках той же эпохи обнаруживает бедность, неконкретность и застылость первой по сравнению с богатством, гибкостью и отзывчивостью к оттенкам второй» (Гуревич 1973: 74).

Каждый полисный народ имел свой язык (особенно в архаический период). Наличие на относительно небольшой территории острова Крит более десяти полисов предопределило существенные расхождения в говорах различных местностей (Мейе 2004: 45). По мере усиления интеграционных процессов в классический период в культурной, торговой, политической сферах по всей Греции распространяется единый язык, в основе которого лежала речь Аттики.

В постархаический период все культурные объекты следует рассматривать как «тексты», созданные на цивилизационном языке: греческом, римском, иранском и т. д. Язык воспринимался как «собственность» архаического народа в форме гражданской общины, которой боги передали божественную силу и с помощью которой община творит эти культурные ценности. Являясь органической частью постархаической общины, язык проходит в своем развитии те же стадии, что и социум: архаическую, классическую, инерционную.

Процессы отчуждения, характерные для всех компонентов социального пространства в инерционный период в Риме, коснулись и стандартизированного литературного языка. Происходит его разрыв с разговорной речью империи, его «омертвление». Он перестает быть понятен народу (Шишмарев 1972: 22).

В феодальный период можно говорить о двухкомпонентном характере сознания. С одной стороны, сознание повседневной жизни, когда и феодал, и священнослужитель, и горожанин, и крестьянин руководствовались принципом «будь тем, кем ты должен быть» (Гумилев 1990: 239), а с другой стороны – карнавал (Бахтин 1986: 298–299). По одну сторону замки, города, монастыри, соборы как структурные элементы феодального пространства, как модели феодального Мир-сознания, по другую – карнавал как реальная форма иллюзорного пространства, где все разговаривают (творят «текст») на особом карнавальном языке.

В наше время общество представляет собой совокупность автономных (в идеале) личностей. Каждый человек как личность имеет свой внутренний Мир-сознание, свой язык как объект собственности, свое социальное пространство. При этом внешнюю речь следует рассматривать как проявление внутренней речи, связанной с процессами ориентации человека в своем внутреннем социальном пространстве. Национальный язык, национальное сознание представляют собой интегральное целое языков и сознаний отдельных личностей.

Повседневная жизнь полностью подчинена законам экономической и политической систем. Если в феодальный период карнавал (карнавальное пространство) хоть на время уводил человека от реалий (часто невыносимых) того периода, то в наше время эту роль играет иллюзорное пространство, иллюзорное Мир-сознание в форме массовой культуры (иллюзорного Мир-текста) (Кондорский 2014а: 470).

Следует обратить внимание, что в последние десятилетия отчетливо проявляет себя иллюзорная составляющая в рамках политической и экономической систем. То же самое касается религиозной системы, которая уже имеет мало что общего с традиционной религией.

Библиография

- Агаджанян А. К., Лопатин А. В., Лавров А. В., Раутиан Г. С. 2011. Особенности развития фауны млекопитающих Северной Азии и прилежащих территорий в кайнозойе. URL: <http://evolution.powernet.ru/library/peculiarity.htm>.

- Андреев Ю. В. 1985. К проблеме послемикенского регресса. *Вестник древней истории* 3: 9–20.
- Андреев Ю. В. 2003. *Раннегреческий полис (гомеровский период)*. СПб.: Гуманитарная академия.
- Андреев Ю. В. 2004а. *Гомеровское общество*. СПб.: Нестор-История.
- Андреев Ю. В. 2004б. *Мужские союзы в дорийских городах-государствах*. СПб.: Алетейя.
- Арапов М. В. 1988. *Квантитивная лингвистика*. М.: Наука.
- Ардзинба В. Г. 1982. *Ритуалы и мифы древней Анатолии*. М.: Наука.
- Бадер Н. О. 1989. *Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии*. М.: Наука.
- Барсков И. С., Жерихин В. В., Раутиан А. С. 1996. Проблемы эволюции биологического разнообразия. *Журнал общей биологии* 2: 14–39.
- Бахтин М. М. 1986. *Литературно-критические статьи*. М.: Худ. лит-ра.
- Белявский В. А. 1971. *Вавилон легендарный и Вавилон исторический*. М.: Мысль.
- Березкин Ю. Е. 1997. Америка и Ближний Восток: формы социополитической организации в догосударственную эпоху. *Вестник древней истории* 2: 3–23.
- Берлев О. Д. 1972. *Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства*. М.: Наука.
- Берлев О. Д. 1978. *Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства*. М.: Наука.
- Бирнбаум Х. 1985. О двух основных направлениях в языковом развитии. *Вопросы языкознания* 2: 32–42.
- Бичакджан Б. Х. 1992. Эволюция языка: развитие в свете теории Дарвина. *Вопросы языкознания* 2: 123–134.
- Блок О. Д. 1957. *Характерные черты французской аграрной истории*. М.: Изд-во ин. лит-ры.
- Бокщанин А. Г. 1966. *Парфия и Рим. Система политического дуализма в Передней Азии*. М.: Изд-во МГУ.
- Бонгард-Левин Г. М. 1966. Республики в древней Индии. *Вестник древней истории* 3: 8–35.
- Бондаренко Д. М. 1993. Привилегированные категории населения Бенина накануне первых контактов с европейцами. К вопросу возникновения классов и государства. *Ранние формы социальной стратификации* / Ред. В. А. Попов, с. 145–168. М.: Наука.
- Бондаренко Д. М. 2001. *Доимперский Бенин. Формирование и эволюция системы социально-политических институтов*. М.: ИА РАН.
- Бондаренко Д. М., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2010. Социальная эволюция: альтернативы и варианты (к постановке проблемы). *Эволюция: проблемы и дискуссии* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Марков, А. В. Коротаев, с. 120–150. М.: Изд-во ЛКИ.
- Бондарь С. В. 2008. *Город и человек (Ашшур III – I тыс. до н. э.)*. М.: Древлехранилище.
- Будыко М. И. 1981. *Эволюция биосферы*. М.: Гидрометеиздат.

- Бурлак С. А., Старостин С. А. 2005.** *Сравнительно-историческое языкознание.* М.: Академия.
- Буровский А. М. 2013.** Контрастность, мозаичность, динамизм среды и эволюция. *Эволюция Земли, жизни, общества, разума* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, А. В. Марков, с. 38–85. Волгоград: Учитель.
- Буровский А. М. 2014.** Саванны мезозоя, или еще раз о сложных путях эволюции. *Эволюция: от протозвезд к сингулярности* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, А. В. Марков, с. 195–228. Волгоград: Учитель.
- Васильев Л. С. 1982.** Феномен власти-собственности. *Типы общественных отношений на Востоке в средние века* / Отв. ред. Л. Б. Алаев, с. 60–99. М.: Наука.
- Васильев Л. С. 1983.** *Проблемы генезиса китайского государства.* М.: Наука.
- Васютин С. А., Коротаев А. В., Крадин Н. Н., Тишкин А. А. 2005.** Методологические проблемы реконструкции социальных структур в археологии. *Социальная структура ранних кочевников Евразии: монография* / Ред. Н. Н. Крадин, А. А. Тишкин, А. В. Харинский, с. 39–63. Иркутск: Изд-во ИргТУ.
- Виноградов В. А. 1982.** Некоторые нелингвистические аналогии. *Теоретические основы классификации языков мира. Проблемы родства* / Ред. В. Н. Ярцева, с. 258–312. М.: Наука.
- Витол Э. А. 2012.** Структура современного эволюционизма. *Эволюция: Аспекты современного эволюционизма* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, А. В. Марков, с. 15–47. М.: Изд-во ЛКИ.
- Воробьева Э. И. 1977.** Морфология и особенности эволюции кистеперых рыб. *Труды ПИН.* Т. 163. М.: Наука.
- Воробьева Э. И. 1988.** Морфологические основы динамической устойчивости. *Современные проблемы эволюционной морфологии* / Ред. Э. И. Воробьева, с. 5–29. М.: Наука.
- Воробьева Э. И., Назаров В. М. 1988.** Принцип опережения в макроэволюции. *Журнал общей биологии* 1: 10–17.
- Воронцов Н. Н. 2004.** *Эволюция. Видообразование. Система органического мира.* М.: Наука.
- Габуння Л. К. 1969.** *Вымирание древних рептилий и млекопитающих.* Тбилиси: Мецниереба.
- Глебов А. Г. 2014.** *Высокое средневековье: Западная Европа в XI–XIII вв.* Воронеж: Истоки.
- Голубцова Е. С. (Ред.) 1983.** *Античная Греция:* в 2 т. Т. 2. М.: Наука.
- Гринин Л. Е., Марков А. В., Коротаев А. В., Панов А. Д. 2009.** Эволюционная мегапарадигма: возможности, проблемы, перспективы. *Эволюция: космическая, биологическая, социальная* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Марков, А. В. Коротаев, с. 5–43. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е., Марков А. В., Коротаев А. В. 2009.** Ароморфозы в живой природе и обществе: опыт сравнения биологической и социальной форм макроэволюции. *Эволюция: космическая, биологическая, социальная* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Марков, А. В. Коротаев, с. 176–225. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Марков А. В. 2012.** Биологическая и социальная фазы макроэволюции: сходства и различия эволюционных принципов и меха-

низмов. *Эволюция: Аспекты современного эволюционизма* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, А. В. Марков, с. 130–174. М.: Изд-во ЛКИ.

Гуляев В. И. 1979. *Города-государства майя*. М.: Наука.

Гумилев Л. Н. 1990. *География этноса в исторический период*. Л.: Наука.

Гуревич А. Я. 1973. Язык исторического источника и социальная действительность: билингвизм в средневековой Европе. *Сборник статей по вторичным моделирующим системам* / Ред. Ю. Лотман и др., с. 73–75. Тарту: ТартГУ.

Давиташвили Л. Ш. 1977. *Эволюционное учение*. Т. 1. Тбилиси: Мецниереба.

Дарлингтон Ф. 1966. *Зоогеография*. М.: Прогресс.

Демидчик А. Е. 2005. *Безымянная пирамида: Государственная доктрина древне-египетской Гераклеопольской монархии*. СПб.: Алетейя.

Думан Л. И. 1970. Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы. *Китай и соседи в древности и средневековье* / Отв. ред. С. Л. Тихвинский, Л. С. Переломов, с. 13–36. М.: Наука.

Дьяконов И. М. 1949. *Развитие земельных отношений в Ассирии*. Л.: Изд-во ЛГУ.

Дьяконов И. М. (ред.) 1982. *История древнего мира: в 3 т. Расцвет древних обществ*. Т. 2. М.: Наука.

Емельянов В. В. 2001. *Древний Шумер. Очерки культуры*. СПб.: Петербургское Востоковедение.

Жакоб Ф. 1992. Лингвистическая модель в биологии. *Вопросы языкознания* 2: 135–143.

Жерихин В. В. 1987. Биоценотическая регуляция эволюции. *Палеонтологический журнал* 1: 3–12.

Захаров Б. П. 2005. *Трансформационная типологическая систематика*. М.: ТНИ КМК.

Зборовский А. В. 2008. *Становление демократической политической культуры в Элладе VIII–V веков до н.э.: политическая мысль и политический человек в доплатоновский период*. Красноярск: Изд-во КраснГАУ.

Иорданский В. Б. 1982. *Хаос и гармония*. М.: Наука.

Иорданский Н. Н. 1994. *Макроэволюция. Системная теория*. М.: Наука.

Иорданский Н. Н. 2009. Факторы эволюционного прогресса. *Эволюция: космическая, биологическая, социальная* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Марков, А. В. Коротаев, с. 153–175. М.: ЛИБРОКОМ.

Иорданский Н. Н. 2016. Конкуренция, кооперация, естественный отбор и эволюционный прогресс. *Эволюция. Срезы, правила, прогнозы* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 52–62. Волгоград: Учитель.

Кабо В. Р. 1986. *Первобытная доземледельческая община*. М.: Наука.

Каждан А. П. 1966. О социальной природе византийского самодержавия. *Народы Азии и Африки* 3: 53–64.

Казанков А. А. 2012. Комментарии по поводу статьи А. М. Буровского «Запад эпохи плейстоцена». *Эволюция: Аспекты современного эволюционизма* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, А. В. Марков, с. 271–279. М.: Изд-во ЛКИ.

- Казютинский В. В. 2014.** Человек в контексте универсального эволюционизма. *Эволюция: от протозвезд к сингулярности* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, А. В. Марков, с. 20–48. Волгоград: Учитель.
- Каландадзе Н. Н., Раутиан А. С. 1993.** Юрский экологический кризис сообщества наземных тетрапод и эвристическая модель эволюции сообщества и биоты. *Проблемы доантропогенной эволюции биосферы*. М.: Наука. С.60–95.
- Кисилев Г. С. 1985.** *Доколониальная Африка. Формирование классового общества*. М.: Наука.
- Климов Г. А. 1990.** *Основы лингвистической компаративистики*. М.: Наука.
- Клочков И. С. 1983.** *Духовная культура Вавилона. Человек, судьба, время*. М.: Наука.
- Кнабе Г. С. 1986.** *Древний Рим – история и повседневность*. М.: Искусство.
- Кнабе Г. С. 1993.** *Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре Античного Рима*. М.: Индрик.
- Кобищанов Ю. М. (Ред.) 2009.** *Полюдь: всемирно-историческое явление*. М.: РОССПЭН.
- Козырева Н. В. 2011.** Взаимодействие этнических групп в ранней истории Месопотамии. *Вестник древней истории* 3: 3–29.
- Кондорский Б. М. 2011.** Концепция «ойкумены» и законы биологического пространства. *Природа и общество: общее и особенное. Серия Социологическая история*. Вып. XXXV, с. 53–57. М.: ИД «Энергия».
- Кондорский Б. М. 2012.** Крым как периферия цивилизационной ойкумены. *Человек и природа в пространстве и времени. Серия Социологическая история*. Вып. XXXVI, с. 115–122. М.: ИД «Энергия».
- Кондорский Б. М. 2013.** Архаическая революция в древнем Китае (попытка сравнительно-исторического анализа). *Общество и государство в Китае*. Т. XLIII, ч. 2, с. 16–28. М.: ИВ РАН.
- Кондорский Б. М. 2014а.** Некоторые философские, социально-исторические и сравнительно биологические аспекты основных категорий языка. *Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VII Международной научной конференции* / Отв. ред. Л. А. Нефедова, с. 466–471. Челябинск: Энциклопедия.
- Кондорский Б. М. 2014б.** Нетрадиционный взгляд на некоторые проблемы биологической эволюции. *Развитие жизни в процессе абиотических изменений на земле. III Всероссийская конференция*, с. 57–62. Иркутск: БМ ИНЦ СО РАН.
- Кондорский Б. М. 2014в.** Специфика исторического развития социумов Тропической Африки. *Общество и политика в Африке: неизменное, меняющееся, новое. XIII международная конференция африканистов*, с. 651–652. М.: ИА РАН.
- Кондорский Б. М. 2014г.** «Целина обязательно будет поднята». Элементы теории надобщинного пространства. *Традиционные общества: неизвестное, прошлое. X Международная конференция*, с. 51–56. Челябинск. Изд-во ЮУГПУ.
- Кондорский Б. М. 2015.** Язык-речь как феномен социального пространства. *Многомерные миры языка: труды Международной конференции*, с. 100–108. М.: РУДН.

- Кондорский Б. М. 2016а.** Роль социально-исторического фактора в развитии языка (в период древности). *Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах*: материалы VIII Международной научной конференции. Т. 1, с. 117–122. Челябинск: Энциклопедия.
- Кондорский Б. М. 2016б.** Феодалная революция в Китае (к постановке вопроса). *Общество и государство в Китае*. Т. XLVI, ч. 1, с. 24–40. М.: ИВ РАН.
- Кондорский Б. М. 2017а.** Историческое развитие китайской ойкумены в древности. *Общество и государство в Китае*. Т. XLVII, ч. 1, с. 20–35. М.: ИВ РАН.
- Кондорский Б. М. 2017б.** Концепция эволюционного (развитие архетипа) и экологического (видообразование) пространств. *Современные проблемы биологической эволюции*: материалы III Международной конференции, с. 589–592. М.: ГДМ.
- Кондорский Б. М. 2017в.** Характер формирования и развития княжеской власти в Древней Руси. *Творческое наследие А. А. Зимина и современная российская историография. VI Зиминские чтения*, с. 143–157. М.: Древлехранилище.
- Кондорский Б. М. 2018.** Традиционно-исторические предпосылки цветных революций. *Традиционные общества: неизвестное прошлое. XIV Международная конференция* / Ред. П. Б. Уваров, с. 273–281. Челябинск: Изд-во ЮУГГПУ.
- Коротаев А. В. 2002.** Северо-Восточный Йемен (I–II тыс. н. э.). *Цивилизационные модели политогенеза* / Ред. Д. М. Бондаренко, А. В. Коротаев, с. 218–246. М.: ИА РАН.
- Коротаев А. В. 2003.** *Социальная эволюция*. М.: Вост. лит-ра.
- Косамби Д. 1968.** *Культура и цивилизация древней Индии*. М.: Прогресс.
- Кочакова Н. Б. 1993.** *Традиционные институты управления и власти*. М.: Наука.
- Красилов В. А. 1984.** Теория эволюции: необходимость нового синтеза. *Эволюционные исследования. Макроэволюция* / Отв. ред. В. А. Красилов, с. 4–12. Владивосток: ДВНЦ АН СССР.
- Красилов В. А. 1985.** *Меловой период и эволюция земной коры и биосферы*. М.: Наука.
- Красилов В. А. 1986.** *Нерешенные проблемы теории эволюции*. Владивосток: ДВНЦ АН СССР.
- Красилов В. А. 1997.** Сингенез ксероморфных растительных сообществ в позднем палеозое – раннем кайнозое. *Палеонтологический журнал* 2: 3–12.
- Кулишова О. В. 2006.** Дельфийский омфал: представление о географическом и сакральном центре у древних греков. *Вестник древней истории* 4: 140–153.
- Кульпин Э. С. 2001.** Русь между Западом и Востоком. *Социоестественная история*. Вып. XVIII. М.: ИВ РАН.
- Кульпин Э. С. 2008.** *Путь России: генезис кризисов природы и общества*. М.: Изд-во ЛКИ.
- Куркин К. А. 1976.** *Системные исследования динамики лугов*. М.: Наука.
- Курочкин Е. Н. 2006.** Параллельная эволюция тероподных динозавров и птиц. *Зоологический журнал* 3: 283–297.
- Левин-Брюль Л. 1994.** *Сверхъестественное в первобытном мышлении*. М.: Педагогика-Пресс.

- Лелюхин Д. Н. 2001.** Концепция идеального царства в «Артхашастре» Каутильи и проблема структуры древнеиндийского государства. *Государство в истории общества. К проблеме критериев государственности* / Отв. ред. Д. Н. Лелюхин, Ю. В. Любимов, с. 9–148. М.: ИВ РАН.
- Лежачий Э. 2009.** О некоторых аналогиях между эволюцией экосистем и развитием экономики: от А. Смита и Ч. Дарвина до новейших идей. *Эволюция: космическая, биологическая, социальная* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Марков, А. В. Коротаев, с. 226–259. М.: ЛИБРОКОМ.
- Лотман Ю. М. 1970.** *Структура художественного текста*. М.: Искусство.
- Лотман Ю. М. 2000.** *Семиосфера*. СПб.: Искусство.
- Лэк Д. 1949.** *Дарвиновы вьюрки*. М.: Изд-во ин. лит-ры.
- Майр Э. 1968.** *Зоологический вид и эволюция*. М.: Мир.
- Макаев Э. А. 1977.** *Общая теория сравнительного языкознания*. М.: Наука.
- Малявин В. В. 1983.** *Гибель древней империи*. М.: Наука.
- Марков А. В., Коротаев А. В. 2008.** Гиперболический рост разнообразия морской континентальной биоты фанерозоя и эволюция сообществ. *Журнал общей биологии* 3: 175–193.
- Марков А. В., Наймарк Е. Б. 2010.** О некоторых новейших достижениях эволюционной биологии. *Эволюция: Проблемы и дискуссии* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Марков, А. В. Коротаев, с. 302–347. М.: Изд-во ЛКИ.
- Машкин Н. А. 1948.** Карфагенская держава до Пунических войн. *Вестник древней истории* 4: 35–54.
- Мейе А. 2004.** *Сравнительный метод в историческом языкознании*. М.: УРСС.
- Меннер В. В. (Ред.) 1988.** *Современная палеонтология*: в 2 т. Т. 2. М.: Недра.
- Миркин Б. М. 1985.** *Теоретические основы современной фитоценологии*. М.: Наука.
- Назаретян А. П. 2009.** Мегаэволюция и Универсальная история. *Эволюция: космическая, биологическая, социальная* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Марков, А. В. Коротаев, с. 44–61. М.: ЛИБРОКОМ.
- Назаров В. И. 1991.** *Учение о макроэволюции*. М.: Наука.
- Немировский А. А. 2005.** Только человек, но не просто человек: сакрализация царя в Древней Месопотамии. *Сакрализация власти в истории цивилизаций* / Отв. ред. Д. М. Бондаренко, Л. А. Андреева, А. В. Коротаев, с. 95–145. М.: ИА РАН.
- Немировский А. А. 2009.** «Если царь с законоустановлением страны не считается...». Правитель, подданные и норма в вавилоно-ассирийском мире. *Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти* / Ред. Д. М. Бондаренко, А. А. Немировский, с. 18–43. 2-е изд. М.: ИА РАН.
- Немировский А. И. 1962.** *История раннего Рима и Италии*. Воронеж: Изд-во ВГУ.
- Нерознак В. П. 2010.** Праязык: реконструкция или реальность? *Праязык. Опыт реконструкции*, с. 10–39. М.: Белые альвы.
- Нечай Ф. М. 1972.** *Образование римского государства*. Минск: Изд-во БГУ.

- Перепелкин Ю. М. 1988. *Хозяйство староегипетских вельмож*. М.: Наука.
- Перепелкин Ю. М. 2000. *История Древнего Египта*. СПб.: Летний сад.
- Пиотровский Р. Г., Бектаев К. Б., Пиотровская А. А. 1977. *Математическая лингвистика*. М.: Просвещение.
- Пономаренко А. Г. 1998. Палеобиология ангиоспермизации. *Палеонтологический журнал* 4: 3–10.
- Попов И. Ю. 2005. *Ортогенез против дарвинизма*. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Прусаков Д. Б. 1999. *Природа и человек в древнем Египте*. М.: Московский лицей.
- Прусаков Д. Б. 2001. *Раннее государство в древнем Египте*. М.: ИВ РАН.
- Пучков П. В. 2013. О пространственных закономерностях хода эволюционного процесса и некоторых аспектах биологической эволюции. *Эволюция Земли, жизни, общества, разума* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, А. В. Марков, с. 86–97. Волгоград: Учитель.
- Пучков П. В. 2014. Астероид ли обрушил «империю динозавров»? *Эволюция: от протозвезд к сингулярности* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, А. В. Марков, с. 157–194. Волгоград: Учитель.
- Расницын А. П. 1986. Инадаптация и эвадаптация. *Палеонтологический журнал* 1: 3–7.
- Раутиан А. С. 2001. Апология сравнительного метода: о природе топологического знания. *Гомология в ботанике: опыт и рефлексия* / Ред. А. А. Оскольский, Д. Д. Соколов, А. К. Тимонин, с. 73–80. СПб.: СПСУ.
- Раутиан А. С., Жерихин В. В. 1997. Модели филоценогенеза и уроки экологических кризисов геологического прошлого. *Журнал общей биологии* 58(4): 20–47.
- Рубин В. А. 1999. *Личность и власть в древнем Китае*. М.: Вост. лит-ра.
- Самаркина И. К. 1974. *Община в Перу*. М.: Наука.
- Самылина В. А. 1974. Раннемеловые флоры Северо-Востока СССР. К проблеме становления флор кайнофита. *Комаровские чтения*. Вып. 27 (1972). Л.: Наука.
- Северцов А. С. 1990. *Направленность эволюции*. М.: Изд-во МГУ.
- Селицкая И. А. 1998. *Теория познания: речь первобытного человека*. СПб.: Ювента.
- Сенников А. Г. 2004. Глобальный биотический кризис на границе перми и триаса: его характер и последствия. *Структура и статус Восточно-Европейской стратиграфической шкалы пермской системы, усовершенствование ярусного расчленения верхнего отдела пермской системы общей стратиграфической шкалы. Доклады Всероссийского совещания*, с. 60–63. Казань: КазГУ.
- Симпсон Д. 1948. *Темпы и формы эволюции*. М.: Ин. лит-ра.
- Симпсон Д. 1983. *Великолепная изоляция*. М.: Ин. лит-ра.
- Следзевский И. В. 1977. Земледельческая община в Западной Африке: хозяйственная и социальная структура. *Община в Африке, проблемы типологии* / Отв. ред. С. А. Токарев, с. 61–132. М.: Наука.
- Татаринов Л. П. 1972. Палеонтология и закономерности филогенеза низших наземных тетрапод. *Палеонтологический журнал* 3: 121–133.
- Татаринов Л. П. 1987. Параллелизмы и направленность эволюции. *Эволюция и биоценоотические кризисы* / Отв. ред. Л. П. Татаринов, А. П. Расницын, с. 124–143. М.: Наука.

- Толмачев А. И. 1986.** *Методы сравнительной флористики и проблемы флорогенеза.* Новосибирск: Наука.
- Туманс Х. 2002.** *Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.).* СПб.: Гуманитарная Академия.
- Урсул А. Д. 2011.** «Темная сторона» универсальной эволюции. *Эволюция: Дискуссионные аспекты глобальных эволюционных процессов* / Ред. Л. Е. Гринин, И. В. Ильин, А. В. Коротаев, А. В. Марков, с. 18–47. М.: ЛИБРОКОМ.
- Утченко С. Л. 1977.** *Политические учения древнего мира.* М.: Наука.
- Фролов Э. Д. 1988.** *Рождение греческого полиса.* Л.: Изд-во ЛГУ.
- Хейзинга Й. 1997.** *Homo ludens. Статьи по истории культуры.* М.: Прогресс-Традиция.
- Циркин Ю. Б. 2001.** *От Ханаана до Карфагена.* М.: Астрель.
- Циркин Ю. Б. 2004.** Финикийский мир и арамейские государства Сирии. *Государство на Древнем Востоке* / Отв. ред. Э. А. Грантовский, Т. В. Степугина, с. 256–299. М.: Вост. лит-ра.
- Чегодаев М. 2001.** Древний Египет: язык и культура. *Древний Восток: общность и своеобразие культурных традиций* / Отв. ред. О. И. Павлова, А. А. Немировский, с. 33–51. М.: ИВ РАН.
- Шиманский В. Н. 1987.** Историческое развитие биосферы. *Эволюция и биоэкологические кризисы* / Отв. ред. Л. П. Татаринов, А. П. Расницын, с. 5–45. М.: Наука.
- Шифман И. Ш. 1990.** *Цезарь Август.* М.: Наука.
- Шифман И. Ш. 2004.** Социально-политическое развитие древнего Переднеазиатского Средиземноморья. *Государство на Древнем Востоке* / Отв. ред. Э. А. Грантовский, Т. В. Степугина, с. 226–255. М.: Вост. лит-ра.
- Шишмарев В. Ф. 1972.** *Избранные статьи: История итальянской литературы.* Л.: Наука.
- Штаерман Е. М. 1989.** К проблеме возникновения государства в Риме. *Вестник древней истории* 2: 76–94.
- Элиаде М. 1987.** *Космос и история: Избранные работы.* М.: Прогресс.
- Ярхо В. Н. 1963.** Проблема ответственности и внутренний мир гомеровского человека. *Вестник древней истории* 2: 46–64.
- Berent M. 1996.** Hobbes and the Greek Tongues. *History of Political Thought* 17: 36–59.
- Carneiro R. I. 1970.** A Theory of the Origin of the State. *Science* 169: 733–738.
- Carneiro R. I. 2000.** *The Muse of History and the Science of Culture.* New York: Kluwer Academic.
- Sahlins M. D. 1960.** Evolution: Specific and General. *Evolution and Culture* / Ed. by M. D. Sahlins, E. R. Service, pp. 12–44. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Service E. R. 1971.** *Primitive Social Organization an Evolutionary Perspective.* New York: Random House.